

На правах рукописи

Кириллова Валентина Юрьевна

ПАРНЫЕ СЛОВА В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары – 2022

Работа выполнена на кафедре чувашской филологии и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

**Научный
руководитель:**

доктор филологических наук, доцент
Иванова Алена Михайловна

**Официальные
оппоненты:**

Поляков Осип Егорович,
доктор филологических наук, профессор,
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва»,
кафедра мордовских языков, профессор

Гусева Элина Витальевна,
кандидат филологических наук, доцент,
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Марийский государственный университет»,
кафедра финно-угорской и сравнительной
филологии, заведующий кафедрой

**Ведущая
организация:**

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы», г. Уфа

Защита состоится 5 сентября 2022 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседаний Ученого совета, каб. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 15 июня 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Софронова Ирина Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено сопоставительному изучению парных слов чувашского и марийского языков. Названные языки относятся к разным языковым группам – тюркской и финно-угорской, в то же время они находятся в активной взаимосвязи в течение более чем тысячи лет.

Актуальность темы исследования. Парные слова – примечательное явление лексической системы всех языков Урало-Поволжья. Внешне они производят впечатление общераспространенного явления, лишь фонетически выраженного в разных формах, а в остальном совпадающего в различных языках. Между тем настоящее представление о парных словах в языках региона при первых же попытках компаративного изучения позволяет усомниться в их идентичности и требует констатации иной обусловленности, прежде всего семантической и словообразовательной.

Парные слова составляют четко вычерченную лингвистическую проблему, на изучении которой можно развить положения Волго-Камского языкового союза. Исследование парных слов на материале чувашского и марийского языков предполагает результаты, позволяющие применить их к другим языковым парам в качестве исходной точки.

Степень разработанности темы исследования. Парные слова в чувашском и марийском языках исследованы на качественно разном уровне. Они составляют особый тематический раздел чувашской лингвистики и относятся к малоразработанной проблеме в марийском языкознании.

В чувашском языкознании имеется ряд статей и монографий, посвященных парным словам или затрагивающих частные вопросы функционирования парных образований: труды Н. И. Ашмарина, Н. А. Андреева, И. П. Павлова, Г. Е. Корнилова, Г. Н. Семеновой.

В марийской лингвистике нет ни одной работы, составленной исключительно на материале парных слов марийского языка. Изучение марийских парных слов происходит во взаимосвязи с другими финно-угорскими языками. В этом направлении актуальными представляются труды Н. Л. Шибасовой, Ф. И. Рожанского, В. А. Иванова.

Сопоставительное изучение парных слов тюркского чувашского и финно-угорского марийского языков позволит установить общие и уникальные черты парных лексем в самих языках, а также выделить особенности функционирования парных слов как лингвистического феномена.

Объектом исследования являются парные слова в чувашском и марийском языках как специфичная группа лексических единиц.

Предмет исследования – общие и различные черты парных слов сопоставляемых языков в фонетическом, семантическом и грамматическом планах в контексте конвергентных отношений.

Цель диссертационного исследования – изучить парные слова как специфичные лексические единицы в языках центральной зоны Волго-Камского союза – чувашском и марийском.

Эта цель определяет решение следующих **задач**:

- 1) определить сущностные параметры парных слов в традициях, принятых в чувашской и марийской лингвистике, во взаимосвязи с языками Волго-Камского языкового союза;
- 2) установить фонетические особенности парных слов, включая подражательную специфику в редупликативных образованиях;
- 3) дать семантическую характеристику парных слов на основе смысловых соотношений компонентов;
- 4) изучить морфологическую и дериватологическую структуру чувашских и марийских парных слов в сопоставительном аспекте;
- 5) изучить опыт лексикографирования и орфографирования парных слов в сопоставляемых языках.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые в сопоставительном аспекте рассматриваются парные слова чувашского и марийского языков. Данные языки, генетически различные, в ходе длительных контактов развили множество общих черт. В ходе исследования установлены общие и частные параметры парных слов сопоставляемых языков, объяснены причины их сходства и расхождения, а также зафиксированы новые (некодифицированные в словарях) парнообразованные лексические единицы обоих языков. Сопоставление материала чувашского и марийского языков позволило создать объективное представление об изучаемом феномене. Работа является первым исследованием проблематики парной лексики марийского языка.

Теоретическая значимость диссертации представлена в следующих результатах:

- 1) впервые парные слова (как в чувашском, так и в марийском языках) рассмотрены в качестве системного явления, обусловленного синтаксическим способом словообразования;
- 2) установлены общие и частные параметры функционирования парных слов, существенно расширяющие представление о лексической системе сопоставляемых языков;
- 3) выявлены этнически индивидуальные модели существования парных слов в чувашском и марийском языках.

Практическая значимость диссертации обуславливается возможностью его применения в описательной, сопоставительной лингвистике, в подготовке учебных курсов по лексикологии, словообразованию, грамматике, в уточнении правил орфографирования парных слов. Полученные результаты могут быть использованы при проведении теоретических и практических занятий на филологических факультетах соответствующего профиля, при составлении словарей, учебных пособий по чувашскому и марийскому языкам. Работа мо-

жет послужить основой аналогичных исследований на материале иных языковых пар Урало-Поволжья.

Методологическую базу исследования составили труды отечественных лингвистов Н. И. Ашмарина, Н. А. Андреева, М. Р. Федотова, И. П. Павлова, Г. Е. Корнилова, Г. Н. Семеновой, В. В. Андреева, Ф. И. Рожанского, Ф. Р. Минлоса, Н. Л. Шибасовой и др.

Методы исследования. В работе применялся комплекс методов: анализ, синтез, систематизация и классификация материала, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный, а также количественно-качественный. При этом последний является базовым. Статистические подсчеты позволяют объективно оценить развитость изучаемого явления и на этой основе сделать ценные открытия и выводы. В частности, автором объясняется распространенность парных слов в чувашском языке их синтаксической обусловленностью. Синтаксический метод является доминирующим в чувашском словообразовании и таковым не признается в марийской деривации. В итоге парные слова в чувашском языке (около полутора тысяч единиц) представлены показателем, превышающем марийские почти в два раза.

Материалом исследования послужили словники парных слов чувашского и марийского языков, составленные на основе нового обратного словаря чувашского языка (2009) и словаря марийского языка (1990–2005). Данные лексикографические источники в настоящее время практически выступают в качестве тезаурусов. В работе использовался материал других языков, прежде всего тюркских и финно-угорских. Эмпирическую базу исследования составили также произведения художественной литературы, корпус марийского языка, толковые, этимологические, орфографические, двуязычные словари, содержащие богатый материал с примерами парных слов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Парные слова в чувашском языке представляют пласт лексической системы, сложившийся как результат широкой востребованности синтаксического способа словообразования. Этим объясняются значительные объемы парнообразованной лексики по сравнению с парными словами марийского языка, в котором в большей степени развита аффиксальная деривация.

2. Парные слова в чувашском и марийском языках обладают общими и индивидуальными свойствами. Общие свойства сводятся к схожей семантической обусловленности компонентов (синонимической, ассоциативной, антонимической, редупликативной), востребованности одних и тех же частей речи, целостным синтаксическим характером словообразования; индивидуальные же свойства выражаются в разноместной реализации идентичных компонентов, высокой частотности слов конкретной части речи, вступающих в деривационные отношения, различии в семантических объемах, востребованности самих слов в речи.

3. Парные слова представляют творческую сферу словоорганизации и обладают значительными поэтическими возможностями, выраженными на фонетическом и морфемном, а также на синтаксическом уровнях.

4. Парные слова в марийском языке главным образом обусловлены тюркским влиянием. Их основу составляют чувашские заимствования, включая семантические кальки. Расхождения, наблюдаемые между чувашскими и марийскими парными словами, – итог самостоятельного развития синтаксического способа деривации в марийском языке.

Степень достоверности полученных результатов подтверждается систематизацией и осмыслением теоретической базы научной литературы по исследуемой проблематике, качественным анализом эмпирического материала на чувашском и марийском языках, использованием комплекса методов исследования, апробацией диссертационной работы, согласованностью представленных положений с данными фактологического материала. Результаты исследования основаны на количественно-качественном анализе парных слов.

Апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации отражено в 11 научных публикациях, в том числе четырех статьях в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России. Отдельные положения диссертационной работы были использованы в докладах на научно-практических конференциях (Чебоксары, 2018, 2020; Казань, 2019; Москва, 2019; Уфа, 2021).

Материалы диссертационного исследования внедрены в учебный процесс при изучении дисциплин «Основной язык (теоретический курс)», «Чувашский язык в межкультурной коммуникации», «Лингвистический анализ текста», «Актуальные проблемы современного литературоведения и языкознания», «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» в ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», а также в профильную деятельность БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Минобрнауки Чувашии.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Общий объем работы – 187 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект и предмет, научная новизна, цели и задачи диссертационной работы, теоретическая и практическая значимость исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту, описывается структурное построение работы.

В главе I **«Парные слова в языках центральной зоны Волго-Камского языкового союза»** рассматриваются теоретические вопросы, предопределяющие исходные основы исследования.

В параграфе 1.1 «Языки центральной зоны Волго-Камского языкового союза» отмечается, что Волго-Камский языковой союз – ареальная общность генетически разных языков Урало-Поволжья, исторически сложившаяся благодаря конвергентно обусловленным сходным структурным признакам.

В состав Волго-Камского языкового союза включаются следующие языки: тюркские – чувашский, татарский, башкирский; финно-угорские – марийский, удмуртский, эрзя-мордовский, мокша-мордовский. Они на протяжении более чем тысячелетия находились в тесных взаимосвязях, позволивших в них сложиться общим чертам.

Общие явления включены в языковые системы Волго-Камья настолько мощно, что продолжают существовать по настоящее время, хотя контакты между географически отдаленными народами прекращены многие века назад, а в настоящее время всецело опосредованы русским языком. Образцом таких взаимоотношений может послужить история чувашского и удмуртского языков, чей синтаксис, к примеру, имеет значительные идентичные черты.

Чувашский язык в современном виде сложился на базе болгарских племен, вступивших в тесные связи с древними марийцами в правобережье Волги в период до середины XVI в. Он представлен тремя диалектами: верховым, восточным и низовым. Чувашские древности сохранились в восточном диалекте. В формировании верхового наречия заметно представлен марийский субстрат, низового – татарский.

Марийский язык – язык волжско-финской группы финно-угорских языков. Он квалифицируется специалистами в качестве наиболее тюркизированного из всех финно-угорских языков (см. работы А. В. Савельева). Тюркский компонент в его более древнем выражении представлен болгарскими и чувашскими заимствованиями, а в последующем – значительным объемом татаризмов. Булгаризмы и чувашизмы в марийском языке имеют повсеместное распространение и, более того, входят в лексический центр.

К настоящему времени в марийском языке установлено от 1200 до 2000 чувашских заимствований¹. Наличие такого большого объема чувашизмов в марийском языке объясняется значительным влиянием болгар и чувашей на марийское население в историческом прошлом².

В то же время в современном чувашском языке зафиксировано 248 марийских заимствований³.

Приобретенное родство на всех уровнях языковой системы – лишь фрагмент из совокупности тотальных общезтнических черт чувашского и марий-

¹ Савельев А. В. К уточнению сценария чувашско-марийских контактов // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. – Чебоксары, 2018. – С. 95–104.

² Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. – Helsinki, 1920. – Band 48. – 274 S.

³ Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск : Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. – 335 с.; Лукьянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 119 с.

ского народов. Не случайно чувашей продолжительное время принимали за черемисов: этносы взаимоподобны во всех жизнепроявлениях. Между тем насколько чуваша и марийцы подобны друг на друга, настолько они и различны. Их материальная и духовная культуры в архетипах имеют разные основания. Например, тотемные животные у обоих народов типично либо финские (у марийцев), либо тюркские (у чувашей), этнопсихологические особенности либо матриархальные (у марийцев), либо патриархальные (у чувашей).

Взаимообусловленная подобность обоих языков на фоне неразрывного единства культур позволяет констатировать чувашский и марийский языки в качестве центральной зоны Волго-Камского языкового союза.

В параграфе 1.2 «**Парные слова как лингвистический феномен в языках Волго-Камья**» определяются универсальные черты парных лексем в тюркских и финно-угорских языках Волго-Камья.

Парные слова – слитные сочетания нескольких лексических единиц, основанные на синонимических, ассоциативных или антонимических отношениях, например: рус. *море-океан* < *море* + *океан*; *худо-бедно* < *худо* + *бедно*; чув. *тăван-хурăнташ* ‘родственники’ < *тăван* ‘родственник’ + *хурăнташ* ‘родственник’; *хура-шурă* ‘невзгоды’ < *хура* ‘черный’ + *шурă* ‘белый’; *ыра-усал* ‘мифические существа’ < *ыра* ‘добрый’ + *усал* ‘злой’.

Разновидностью парных слов также являются лексемы с редупликацией, например: *шăршă-маршă* ‘всякий запах’ < *шăршă* ‘запах’ + *маршă* ‘беззачетный эхообразный компонент’; *ăптăр-каптăр* ‘хлам, старье, утиль, отбросы’ < *ăптăр* ? + *каптăр* ?; *ăпăр-тапăр* то же, что и *ăптăр-каптăр*.

Парные слова практически во всех языках Урало-Поволжья образуют важный и развитый пласт лексической системы, ср.: чув. *алă-ура* ‘конечности, руки-ноги’ < *алă* ‘рука’ + *ура* ‘нога’, тат. *кул-аяк* < *кул* ‘рука’ + *аяк* ‘нога’, мар. *кид-йол* < *кид* ‘рука’ + *йол* ‘нога’, башк. *аяк-кул аяк* ‘нога’ + *кул* ‘рука’, удм. *ки-пыд* / *суй-пыд* < *ки* / *суй* ‘рука’ + *пыд* ‘нога’; чув. *çĕр-шыв* ‘страна’ < *çĕр* ‘земля’ + *шыв* ‘вода’, тат. *жир-су* < *жир* ‘земля’ + *су* ‘вода’; башк. *ер-һыу* < *ер* ‘земля’ + *һыу* ‘вода’.

Парные слова независимо от их языковой принадлежности обладают рядом универсальных признаков:

1) фонетических: одноударностью (чув. *анра-сүхрă* ‘умалишенный’, при этом должное ощущаться второстепенное ударение первого компонента (*анрă*) теряет свою заметность; мар. *ака-шĕжĕр* ‘сестры’); структурной слитностью; полуслитным орфографированием (чув. *улма-сырла* ‘фрукты’; тат. *чебен-черки* ‘мошकारа’, башк. *ел-дауыл* ‘ураган’, мар. *изин-кугун* ‘сильно; тревожно’); воспроизводимостью (парные слова имеют четкую очередность следования компонентов, их перестановка может быть допущена в редких случаях: чув. *кул-çул* ‘судьба’ ≠ **çул-кул*; тат. *бетте-китте* ‘прошло’ ≠ **китте-бетте*; *жĕлĕк-жĕмеш* ‘фрукты’ ≠ **жĕмеш-жĕлĕк*; мар. *поро-осал* ‘добро и зло’ ≠ **осал-поро*);

2) семантических: семантической обобщенностью, предполагающей абстрактное целостное обозначение однотипных объектов, явлений, качеств или процессов, а не сумму компонентов парного слова (чув. *сăрт-вар* ‘пересеченная местность’ < *сăрт* ‘горка, возвышенность; хребет’ + *вар* ‘овраг’; тат. *әүәле-ахыры* ‘начало и конец’ < *әүәле* ‘сначала’ + *ахыр* ‘конец’; мар. *шўм-чон* ‘внутренний мир человека’ < *шўм* ‘сердце’ + *чон* ‘душа’; удм. *азон-калгон* ‘блюд’ < *азон* ‘страсть’ + *калгон* ‘гулять’). В итоге парным словам в зависимости от части речи становится присущей многовекторная продолжительность (глаголам, подражаниям), разнохарактерность (именам прилагательным, подражаниям), разноплановость (подражаниям), кроме того, семантическая обобщенность формирует множественное, или обобщающее, значение парных слов);

3) деривационных: сочетаемостью компонентов на основе синонимических, ассоциативных и антонимических взаимоотношений, а также на базе редупликативной деривации (чув. *тус-юлташ* ‘друзья’ < *тус* ‘друг’ + *юлташ* ‘товарищ’; *атте-анне* ‘родители’ < *атте* ‘отец’ + *анне* ‘мать’; *ир-каç* ‘по утрам и вечерам’ < *ир* ‘утро’ + *каç* ‘вечер’; *кăчăрт-кăчăрт* подражание хрусту < *кăчăрт* подражание хрусту + *-кăчăрт*; удм. *сй-дан* ‘слава’ < *сй* ‘почет’ + *дан* ‘честь, слава’; *турын-куар* ‘трава’ < *турын* ‘трава’ + *куар* ‘лист’; *ули-вылий* ‘поверхностно’ < *ули* ‘низко’ + *вылий* ‘высоко’; *дъылк-дялк* подражание сверканию < *дъылк* подражание сверканию + *-дялк*); сочетаемостью слов одной лексико-семантической группы (чув. *юрлă-сумăрлă* ‘ненастный’ < *юрлă* ‘снежный’ + *сумăрлă* ‘дождливый’; *силлĕ-тăманлă* ‘метельный’ < *силлĕ* ‘ветренный’ + *тăманлă* ‘метельный, буранный’ – парные образования, в которых сочетаются слова, описывающие погодные условия; тат. *киек-жәнлек* ‘звери’ < *киек* ‘зверь’ + *жәнлек* ‘зверь’; *терлек-туар* < *терлек* ‘живность’ + *туар* ‘скот’; *мал-туар* < *мал* ‘скот’ + *туар* ‘скот’ – парные образования, в которых сочетаются слова с обобщенным значением животных; мар. *тырмак-тормык* ‘искривленный, искаленный’ < *тырма* ‘борона’ + *-ык* + *-тормык*; *окиак-чолак* ‘искаленный’ < *окиак* ‘хромой’ + *чолак* ‘искаленный’ – парные образования, означающие внешние свойства человеческого здоровья); рифмованностью (существует в качестве факультативного признака, часто выражается в составе парных слов с редупликацией, ср.: чув. *пурнăç-пăрнăç* ‘судьба’ < *пурнăç* ‘жизнь’ + *пăрнăç* ‘поворот’; *шăрт-шарт* подражание звукам резких ударов; тат. *берэм-сэрэм, берэн-сэрэн* ‘изредка’ < *бер* ‘один’ + *-эм / -эн* + *-сэрэм / -сэрэн*; *сирэк-мирэк* ‘изредка’ < *сирэк* ‘редко’ + *-мирэк*; башк. *укьу-язьу* ‘грамота’ < *укьу* ‘чтение; учеба’ + *язьу* ‘письмо’; *шау-шыу* ‘шум-гам’ < *шау* ‘шум’ + *-шыу*; мар. *койыш-кучыш* ‘поведение’ < *койыш* ‘характер, нрав’ + *кучыш* ‘терпение’; *рышит-рошит* подражание резкому скрипу; *тывек-тувек* ‘туда-сюда’ < *тывек* ‘сюда’ + *тувек* ‘туда’);

4) грамматических: симметричной формоизменяемостью всех компонентов (чув. *сăмах-юмах* ‘разговоры; пересуды’ – *сăмахпа-юмахпа, сăмахшан-юмахшан*; тат. *аш-су* ‘еда’ – *ашын-суын, ашка-суга*, мар. *койыш-сорлык* ‘тра-

диции' – *кыйшыын-сорлыкын*; удм. *чыжы-выжы* 'родственники' – *чыжые-выжые*); взаимосвязанностью компонентов на основе сочинительной связи и возможностью распада парных слов на исходные компоненты (чув. *кӓптӓр-каптӓр* подражание сильному стуку, грохоту; быстро, скоро, живо, мигом; мелочь, мелкий; хлам, барахло – *кӓптӓр та каптӓр* 'быстро и живо'; тат. *кыр-болын* 'луга' – *кыр һәм болын* 'поле и луг'; башк. *көн-төн* 'день и ночь' – *көн менән төн* 'день и ночь'; мар. *кид-йол* 'конечности' – *кид да йол* 'руки и ноги'; эрз. *кши-сал* 'хлебосол' – *кши ды сал* 'хлеб и соль'; удм. *шыд-нянь* 'еда' – *шыд но нянь* 'суп и хлеб').

Парные слова в языках Волго-Камья между собой не соотносятся последовательно. Их ряды в рамках конкретного языка вполне могут не иметь типичных аналогий. Например, парные слова, имеющие в своем составе компонент *луг*, представлены только в тюркских языках, а также в удмуртском, испытавшем значительное татарское влияние. Не случайно в группе между собой вплоть до калькирования показателя множественного числа в полном объеме совпадают татарская и удмуртская единицы, ср.: тат. *кыр(лар)-болын(нар)* < *кырлар* 'поля' + *болыннар* 'луга' = удм. *лудъёс-возьёс* < *лудъёс* 'поля' + *возьёс* 'луга' (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Соотношение парных слов в языках Волго-Камского союза: *луг*

Языки	Парное слово	Непарные соответствия
чувашский	<i>улӑх-ҫаран</i>	
татарский	<i>кыр(лар)-болын(нар)</i>	
башкирский	<i>болон-туғайзар</i>	
марийский		<i>олык, олык-влак</i>
удмуртский	<i>лудъёс-возьёс</i>	
мокшанский		<i>лайме, лаима, луга</i>
эрзянский		<i>нуганар, нар</i>

Наблюдения над парными словами языков Урало-Поволжья позволяют вывести их характерные черты: во-первых, более последовательно парные слова представлены в тюркских языках, менее – в финно-угорских; во-вторых, пересекающиеся парные слова обладают общим сходством как в структурном, так и в содержательном планах, допуская, однако, национальную специфику в допустимых пределах в семантическом и структурном планах выражения.

В параграфе 1.3 «**Опыт изучения парных слов в языках центральной зоны Волго-Камского союза**» представлен анализ взглядов разных ученых на проблематику парных слов и парного словообразования в чувашском и марийском языках.

Парные слова – объект частых исследований в тюркском языкознании (см., например, труды Н. Абдурахманова, М. С. Ализаде, Г. Г. Алимбаевой, Ф. Г. Галлямова, Ф. Н. Дьячковского, Л. М. Маннаповой, Р. М. Миргалеева, А. Нажимова, К. Т. Рамазанова, А. З. Салиевой и др.).

Интерес к парным словам наблюдается и в других частных лингвистиках (например, работы М. Е. Алексеева, Е. А. Бардамовой, Г. С. Биткеевой, А. А. Бурыкина, Г. А. Дырхеевой, Л. Б. Моргоевой, М. У. Сулейбановой, С. М. Трофимовой, А. А. Шияновой и др.).

Парные слова в чувашском и марийском языках находятся на разном уровне исследованности. В чувашской лингвистике имеется целый ряд статей, им посвященных. Парным словам значительное место уделяется и в монографиях по словообразованию.

В марийской лингвистике исследование интересного и необычного лексического пласта, который составляют парные слова, отходит на второй план. Изучение парной лексики в марийском языкознании главным образом происходит во взаимосвязи с другими финно-угорскими языками.

Глава II «**Лингвистический анализ парных слов чувашского и марийского языков в сопоставительном аспекте**» направлена на установление базовых параметров парнообразованной лексики.

В параграфе 2.1 представлена лексико-семантическая характеристика парных слов сопоставляемых языков. Количество парных слов в чувашской лексике составляет 1456 единиц. Данный показатель соответствует 4,7 процентам от максимального числа всех зарегистрированных слов в словаре чувашской литературной лексики, выраженной объемом в 31264 лексем. В то же время соотношение парных слов и лексического разнообразия марийского языка выражается другими показателями: 657 парных слов (1,2 процента) из 54328 лексем.

Количественно наиболее значимые пласты парных слов чувашского языка – существительные, подражательные слова, прилагательные и наречия – обеспечивают 97,5 процента всего пласта парнообразованных лексических единиц. Скромные показатели чувашских глаголов не являются отражением внутренней специфики парной деривации, а представляют собой результат лексикографической практики, склонной избегать лексикализации глагольных парных образований.

Лексический пласт парных слов в марийском языке представлен в иных пропорциях. В нем равномерно проявляются имена существительные и подражательные слова. Значительно, по сравнению с чувашскими показателями, количество наречий и глаголов, что необходимо воспринять как результат иного подхода к дифференциации наречий и других классов слов, а также отличающейся словарной практики лексикографирования глаголов, нежели это принято в чувашском языкознании.

Семантико-деривационные отношения компонентов позволяют выстроить парные слова в чувашском языке в следующей последовательности: ассоциативные сочетания – 44,0 % (568 слов), редупликативные сочетания – 38,8 % (501 слово), синонимические сочетания – 13,9 % (179 слов), антонимические сочетания – 3,3 % (42 слова).

В марийском языке складывается другая последовательность отношений компонентов парных слов: редупликативные сочетания – 48,5 % (279 слов), ассоциативные сочетания – 39,1 % (225 слов), синонимические сочетания – 9,7 % (56 слов), антонимические сочетания – 7,8 % (45 слов).

Анализ толкований парных слов в чувашском языке обнаруживает интересные факты (в марийской лингвистике толковый словарь пока еще не представлен). В первую очередь объяснение значений парнообразованных единиц часто производится с помощью парных же слов, ср.: *йывăç-курăк* ‘усен-тăран, ўсёмлѐх, ешѐллѐх’ < *йывăç* ‘дерево’ + *курăк* ‘трава’; *кал-кал* ‘1. кан-кан, кăлин-калин, тăн-тан. 2. тикѐс мар, тан мар; тѐллѐн-тѐллѐн, вырăнăн-вырăнăн, чѐлтѐр-чѐлтѐр’ < *кал* подражание взгляду + *кал* редупликат.

Среди парных слов достаточно много абсолютных синонимов. Абсолютная синонимичность в толковом словаре оформляется в форме отсылки на первый компонент: *инкек-синкер* = *инкек-синкек* ‘тѐрлѐрен хурлăх-хуйхă, нуша-асап, йывăрлăх’ < *инкек* ‘несчастье’ + *синкер* ‘несчастье’; *инкек-суран* = *инкек-синкек* < *инкек* + *суран* ‘рана’; *инкек-хѐн* = *инкек-синкек* < *инкек* + *хѐн* ‘мучение’; *инкек-хурлăх* = *инкек-синкек* < *инкек* + *хурлăх* ‘горе’.

Значительно реже в толковании парных слов используется указание на собирательный характер слова: *вар-васан* ‘сырма-сатраллă вырăн; сырмасене, варсене, васансене пѐтѐмлѐте калани’, т. е. собирательное обозначение оврагов – *вар-васан* собир. ‘овраги, балки, ложбины; овражистое место’.

Данная особенность обусловлена тем, что обозначение семантики вокабул в условиях толкового словаря производится на чувашском языке, обладающем необходимыми средствами объяснения смысла лексических единиц без семантических помет или маркерных слов, в частности, подачей значения во множественном числе, в целом нехарактерном для чувашской речи, и толкованием с помощью самих парных слов.

Парные слова, фонетически созвучные и семантически идентичные в чувашском и марийском языках, как правило, возводятся к чувашскому первоисточнику и являются либо прямыми заимствованиями, либо калькой с чувашского. Важным моментом необходимо признать выведение слоя парных слов – чувашских заимствований, отсутствующих в самом чувашском языке, а также общих образований с противоположным расположением компонентов.

Общий фонд чувашских и марийских парных слов составляет более 100 единиц. Данные пары парных слов технически можно разделить на следующие группы: 1) чувашские заимствования в марийском языке, отсутствующие в исходном языке (13 единиц); 2) чувашские заимствования в марийском языке, также сохраняющиеся в языке-доноре (100 единиц); 3) общие единицы с противоположным расположением компонентов (14 единиц); 4) марийские заимствования в чувашском языке (три единицы).

Чувашский и марийский языки в большей степени обладают неповторяющимися парными словами, ср.: чув. *сăвă-юрă* собир. ‘1. песни (народные), песенный фольклор; 2. стихи и песни’ (< *сăвă* ‘стихотворение’ + *юрă* ‘пес-

ня') ≠ мар. ø; чув. *уйăх-хёвел* 'ночное и дневное светила' (< *уйăх* 'луна' + *хёвел* 'солнце') ≠ мар. ø; мар. *икыр-копыр* 'копейки' (< *икыр* 'одна копейка' + *копыр* 'две копейки') ≠ чув. ø.

Объем национально специфичной парной лексики в чувашском языке составляет более 90 процентов, в марийском – 77. При этом в корпусе парных слов чувашского языка преобладают имена существительные, т. е. парные слова прежде всего направлены на называние реалий, а в марийском количественно соотносятся между собой подражательная лексика и существительные, иначе говоря, их парнообразованные единицы в большей степени стремятся описать объективную действительность в звуковых, световых и двигательных оттенках.

Другой специфичной чертой марийского языка следует признать поведение имен существительных, которые обозначают женщин (феминитивов) и имен существительных, называющих мужчин (маскулятивов) в составе парных слов. В марийском языке феминитивы имеют свойство выводиться в зачинательную часть парного слова: *ава-ача* 'родители' (< *ава* 'мать' + *ача* 'отец') = *ача-ава* тж; *вате-марий* 'супруги' (< *вате* 'жена' + *марий* 'муж') = *марий-вате* тж; *йдыр-каче* 'молодежь' (< *йдыр* 'девушка' + *каче* 'парень'); *йдыр-рвезе* 'молодежь' (< *йдыр* + *рвезе* 'парень') = *рвезе-йдыр* тж; *йдыр-эрге* 'молодежь' (< *йдыр* + *эрге* 'парень') = *эрге-йдыр* тж. В финно-угроведении предпринимались попытки объяснить данную особенность производством их еще в эпоху возможного матриархата⁴.

В чувашском языке феминитивы не могут доминировать над маскулятивами: *атте-анне* 'родители' (< *атте* 'отце' + *анне* 'мать'); *арля-арялмля* 'супружеский' < *арля* 'мужской' + *арялмля* 'женский'; *ывъл-хёр* 'молодежь' (< *ывъл* 'сын' + *хёр* 'дочь').

Обычно парные слова производятся на этноязыковом материале, и на этом фоне весьма неожиданными представляются образования с компонентами, сохраняющими след иноязычного происхождения. В чувашском языке прочно утвердились следующие парные слова с условно русскими компонентами: чув. *орден-медаль* собир. 'ордена и медали, награды, регалии' < рус. *орден* + *медаль*; *фабрика-завод* собир. 'фабрики и заводы' < рус. *фабрика* + *завод*; *хаçат-журнал* собир. 'газеты и журналы, периодические издания, пресса' < чув. *хаçат* из рус. *газета* + *журнал*.

Марийскими словарями фиксируется лишь несколько парных слов с условно русскими компонентами: *сад-пакча* 'фруктовый сад' (чув. *сад-пахча*) < рус. *сад* + мар. *пакча* 'огород'; *целлюлоз-кагаз* 'целлюлозно-бумажный; производящий целлюлозу и бумагу, относящийся к такому производству' < рус. *целлюлоза* 'целлюлоза' + мар. *кагаз* 'бумага'.

⁴ Шибасова Н. Л. К вопросу о древности парного словообразования в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. – 2011. – № 2. – С. 93–94.

Парное слово *газет-журнал* ‘газеты и журналы; пресса’ (ср. с чув. *хаçат-журнал*), согласно корпусу марийского языка, фиксируется с 1976 г. Всего же в корпусе отмечено 52 его употребления, по большей части приходящихся на 2000 гг. Между тем данное слово еще не нашло отражения в словарях марийского языка.

В параграфе 2.2 «Фонетическая структура» рассматриваются длиннотные модели парных слов.

В чувашском языке парные слова представлены 52 моделями. Данный показатель марийских парных слов выражается 41 моделью. В чувашском языке чаще всего встречаются следующие модели: а) $5 + 5 = 10$ знаков (26,5 %); б) $6 + 6 = 12$ знаков (13,4 %); в) $3 + 3 = 6$ знаков (13,3 %).

Длиннотные модели парных слов в марийском языке выстраиваются в несколько другую последовательность: а) $5 + 5 = 10$ знаков (24,6 %); б) $4 + 4 = 8$ знаков (14,9 %); в) $3 + 3 = 6$ знаков (12,2 %).

Разница между наиболее востребованными моделями чувашских и марийских парных слов заключается в отсутствии в чувашской части модели $4 + 4$ в то время как в марийской она занимает вторую позицию. Модель $4 + 4$ в чувашском языке выражена показателем в десять процентов, занимая пятую позицию. В сумме первые три высокочастотные модели обеспечивают в чувашском языке 53,2 процента всех парных слов, в марийском – 51,7 процента.

Парные слова стремятся к количественной симметрии компонентов. В чувашском языке доля подобных единиц, начиная с модели $2 + 2$ и завершая моделью $8 + 8$, составляет 59,9 процентов от всего числа парных слов. Тот же показатель в марийском языке, дополнительно допускающий модель $9 + 9$, выражается объемом в 68,4 процентов. Симметрия парных слов во многом обеспечивается существованием дивергентного повтора и редупликации.

В акцентологической характеристике парных слов в марийской и чувашской лингвистике наблюдаются противоположные подходы.

В марийском языкознании равнозначным ударением наделяется каждый компонент парного слова: *арвэр-ўзгар* ‘вещь, утварь’ (< *арвер* ‘вещь’ + *ўзгар* ‘пожитки’); *илаиш-колаиш* ‘1. насмерть; 2. очень сильно’ (< *илаиш* ‘жить’ + *колаиш* ‘умереть’); *тембак-умбак* ‘туда-сюда’ (< *тембак* ‘сюда’ + *умбак* ‘туда’).

В чувашских парных словах выделяется одно ударение в составе последнего компонента: *арйиш-нирйиш* ‘беспорядок’ (< *арйиш* агноним + *нирйиш* редупликат); *ййрйм-ярйм* ‘полосатый’ (< *ййрйм* ‘полоса’ + *ярйм* ‘полоса’); *шйтйр-шйтйр* подражание треску.

Наделение равносильным ударением обоих компонентов означает распад парного слова на отдельные лексемы, ср.: чув. *эрех-сйрй* ‘алкогольные напитки’ (< *эрех* ‘водка; вино’ + *сйрй* ‘пиво’) → *эрех, сйрй* ‘вино, пиво’; мар. *таза-эсэн* ‘здоровый’ (< *таза* ‘здоровый’ + *эсэн* ‘невредимый’) → *таза, эсэн* ‘здоровый, невредимый’.

Чувашские и марийские парные слова между собой гармонизируют в фонотактическом плане.

Согласно исследованиям, в чувашских парных словах представлены 185 моделей сочетаний гласных и согласных звуков. В наибольшей степени востребованы модели CVCVC-CVCVC, CVC-CVC, CVCCVC-CVCCVC, CVCCV-CVCCV, CVCV-CVCV, CVC-CVCVC, в соответствии с которыми строится половина всех парных слов в чувашском языке. Первые 16 моделей, имеющих долю более одного процента, покрывают 70,6 процентов парнообразованной лексики. На оставшиеся 169 моделей приходится 29,4 процентов парных слов.

Все многообразие парных слов в марийском языке реализуется в 131 модели. Модели CVCVC-CVCVC, CVC-CVC, CVCV-CVCV, CVCCV-CVCCV, VCVC-CVCVC обеспечивают практически половину состава парной лексики – 47,4 процентов. 14 моделей, представленных долей более одного процента, уже дают 65,3 процентов выборки.

Самая востребованная фонотактическая модель в чувашском языке – CVCVC-CVCVC (*çătăp-çatăp* ‘подражание сильному треску, хрусту’, *кăчăр-качăр* ‘подражание неритмичному скрипу’), представленная долей в 22,2 процента, в марийском – CVC-CVC (*тик-тик* подражание пisku птенцов; марГ. *цыл-зыл* подражание блеску), выраженная долей в 30,4 процента.

В фонетическом аспекте парные слова в обоих языках представляют лексический пласт, реализующий поэтические возможности, когда в рамках одной лексической единицы начинают функционировать все внешние стихоорганизующие параметры – ритм, рифма, аллитерация и ассонанс.

Практически все стихоорганизующие элементы фонетического плана одновременно включаются в состав парнообразованных слов с дивергентным повтором, например: чув. *кăчăрт-качăрт* подражание хрусту, где ритм формируется одинаковой длиной компонентов и ударностью первых слогов, а созвучность практически выступает в виде рифмы; ср. также: чув. *кукăр-макăр* ‘кривой’ < *кукăр* ‘кривой’ + *макăр*; мар. *шырт-март* подражание быстрому действию, мар. *сыгыр-сугыр* ‘кривой’ < *сыгыр* + *сугыр* ‘кривой’.

Ритмическая организация парных слов уже подготовлена привычными длинами слов в сопоставляемых языках, ср.: средняя длина чувашского слова в его исходной форме – 7,6 знаков, марийского – 8,3 знака, что, скорее всего, является результатом большей развитости аффиксального словообразования в марийском языке; в то же время средние длины парных слов чувашского и марийского языков совпадают, составляя 9,4 знака.

Парные слова с поэтическими элементами в их составе часто встречаются в текстах устного народного творчества, особенно в загадках: чув. *Йăкăр-якăр, пăлтăр-палтăр, кăвак шурă, хаяр куç*. ‘Йăкăр-якăр, пăлтăр-палтăр, бело-голубой, злой глаз’ (зима), где *йăкăр-якăр* – подражание скольжению, *пăлтăр-палтăр* – подражание беспорядочному кувырканию; мар. *Кок изак-шоляк корно кок могырышто веле илат гынат, нигунам ваш огыт лий*. ‘Два братца через дорожку живут, но никогда не встречаются’ (день и ночь).

Подражательные парные слова могут обладать необычным свойством – быть осмысленными только в составе исходных текстов, в нашем случае загадок, ср.: чув. *Иххи-паххи, тӑлтти-талтти*, где *иххи-паххи* – обозначение лошади на основе подражания ржанию *иххи*, а также его детского названия *паххи, тӑлтти-талтти* – подражание дрыганию ногами; мар. *Сандалык йыр савырна, кырт-карт веле перна*. ‘Облетит вокруг света, мелькают только крылышки’, где *кырт-карт* – подражание быстрому движению.

В параграфе 2.3 «**Деривационные особенности**» анализируются синтаксические свойства парного словообразования.

Для чувашского языка синтаксический способ словообразования следует признать доминирующим. При образовании парных слов происходит сложение двух основ в одно новое. Основы в чувашском и марийском языках обычно представляют собой корневые морфемы, например: чув. *ахах-мерчен* ‘драгоценности’ < *ахах* ‘агат; сердолик; жемчуг’ + *мерчен* ‘жемчуг’; *кил-сұрт* ‘двор, дом’ < *кил* ‘родной дом’ + *сұрт* ‘здание’; мар. *сай-осал* ‘плюсы и минусы’ < *сай* ‘хороший’ + *осал* ‘плохой’; *тореш-кутынь* ‘вдоль и поперек’ < *тореш* ‘вдоль’ + *кутынь* ‘поперек’.

Перестановка компонентов в составе парных слов в чувашском и марийском языках представляют противоположные сущности. В чувашском языке следование основ закрепленное, лишь небольшая часть допускает их перестановку, например: *алса-сӗлӗк* ‘шапки и рукавицы’ (*алса* ‘рукавицы’ + *сӗлӗк* ‘шапка’) = *сӗлӗк-алса*; *вут-хӗм* ‘огонь’ (*вут* ‘огонь’ + *хӗм* ‘искра’) = *хӗм-вут*; *ял-хула* ‘селения, включая города’ (*ял* ‘село’ + *хула* ‘города’) = *хула-ял*.

В марийском языке расположение компонентов в составе парного слова достаточно свободное, ср.: *ача-ава* ‘родители’ (*ава* ‘мать’ + *ача* ‘отец’ = *ава-ача*; *вате-марий* ‘супруги’ (*вате* ‘жена’ + *марий* ‘муж’) = *марий-вате*; *йӱсӱ-кочо* ‘тяготы’ (*йӱсӱ* ‘трудный’ + *кочо* ‘горький’) = *кочо-йӱсӱ*; *йӱсӱ-неле* ‘трудности’ (*йӱсӱ* ‘трудный’ + *кочо* ‘горький’) = *неле-йӱсӱ*; *йӱмаш-кочмаш* ‘угощение’ (*йӱмаш* ‘питье’ + *кочмаш* ‘еда’) = *кочмаш-йӱмаш*; *кочкаш-йӱаш* ‘питаться’ (*йӱаш* ‘пить’ + *кочкаш* ‘есть’) = *йӱаш-кочкаш*.

Если в чувашском языке количество парных слов с возможной перестановкой компонентов стремится к нулю, в марийском языке, согласно нашим подсчетам, их доля приближается почти к четырем процентам.

В параграфе 2.4 «**Грамматическая специфика**» изучается словоизменение компонентов парнообразованной лексики.

Грамматическая изменяемость компонентов парных слов в речи может быть выражена факультативно либо обязательно. При факультативной оформленности грамматические форманты потенциально могут присоединяться к обоим компонентам, а не только к последнему, например: чув. *уксах-чӑлах* ‘калеки / увечные’ (*уксах* ‘хромой’ + *чӑлах* ‘имеющий физические недостатки’) → *уксах-чӑлаххи* ‘тот, который изувеченный’ = *уксаххи-чӑлаххи*; *уксах-чӑлахла* ‘на лад изувеченных’ = *уксахла-чӑлахла*; мар. *койыш-йӱла* ‘обы-

чай' (*койыши* 'характер' + *йўла* 'обычай') → *койыши-йўла-влак* 'обычай' = *койыши-влак-йўла-влак*; *койыши-йўлалан* 'обычаем' = *койышлан-йўлалан*.

В речевой практике обычно реализуется грамматическое оформление последних компонентов парных слов, ср.: чув. *Чун-чёререн ыйтатп, Ольга. Тархаслатп сана, Ольга, майярпм, юратйвм* (Б. Чиндыков) 'От всей души прошу, Ольга. Умоляю тебя, Ольга, жена моя, любовь моя', где исходную форму парного слова составляет *чун-чёре* 'душа' (*чун* 'душа' + *чёре* 'сердце'), а аблатив может быть представлен двумя вариантами *чунтан-чёререн* / *чун-чёререн*; мар. *Тиде пашалан кид-йолет келиен толеш* 'Для этой работы рука-нога твоя годится' (парное слово *кид-йолет* 'рука-нога твоя' образовано от *кид* 'рука' + *йол* 'нога' + лично-притяжательный суффикс 2-го лица *-ет*).

В чувашском языке существует обязательное грамматическое оформление именных парных слов (существительных и прилагательных) с гласными в финальной части первого компонента, в рамках категорий принадлежности и выделительности неизменно выражающихся параллельными изменениями, например: *туда-сймса* 'лицо' (*туда* 'нос' + *сймса* 'нос') → *туту-сймсу* 'твое лицо', *тути-сймси* 'его лицо', но не *туда-сймси*; *юрй-таий* 'песни-пляски' (*юрй* 'песня' + *таий* 'танец') → *юрри-таиши* '1. их песни-пляски; 2. те песни-пляски', но не *юрй-таиши*.

Следующей группой парных слов чувашского языка, требующих обязательного грамматического оформления, являются глаголы. Глагольные парные слова в чувашском языке имеют ограничения в лексикализации. Например, таковы результаты фиксации в словарях глаголов не в привычном инфинитиве, а в императиве, объективно удобном для чувашского языка, но неудачном для лексикографирования парнообразованных глаголов в частности. Как показывают наблюдения, оформление глагольных парных слов в императив вызывает сложности в их восприятии в качестве языковых фактов: *Хйартланса-саванса кайнй Ванюк, усёрскер, таишлать, савй каласа юрлать...* (Б. Чиндыков). 'Обрадовался Ванюк, пьяный, танцует, поет', где реализованная деепричастная форма *хйартланса-саванса* должна быть лексикографирована в виде *хйартлан-саван* 'обрадоваться' (*хйартлан* 'воодушевиться' + *саван* 'радоваться'), букв. обрадуйся. Но этого не происходит потому, что в императивной форме компоненты лексем приобретают раздельное просодическое оформление *хйартлн-савн* при одноударном существовании произвольной деепричастной формы *хйартланса-саванса*.

Обращает на себя внимание факт, когда глагольные парные слова обычно используются в речи в деепричастной форме: *ёрчесе-хунаса* 'размножаясь', *уссе-тёрекленсе* 'развиваясь'. Другие формы глагола (инфинитив, причастие) встречаются в меньшей степени: *утма-чупма* 'бегать', *хисепленё-сумланй* 'почтили', *курни-штни* 'увиденное-услышанное'.

Варьирование грамматической оформленности-неоформленности компонентов парных слов регулируется стилистическими целями. Оформленность придает речи книжные свойства, согласно логике преднамеренного использо-

вания полногласных форм: чув. *Пѣри хайѣн усал кӓмӓлне пула сьынна юрайман, тебри тѣнчене тѣлѣнтермелле наян, мӓран, йѣркесѣр, тирпейсѣр пулнине йѣрѣнтернѣ, кам карма сӓварѣне, кам чараксӓр чѣлхине чуна сивѣтнѣ, кам ӓсѣ-пусѣне, сӓнѣ-сӓпачѣне килѣшеймен – пурте юрӓхсӓра тухнӓ* (А. Артемьев). 'Кто-то плохим нравом человеку не понравился, другой – ленью, неповоротливостью, непорядочностью, бесхозяйственностью, кто-то длинным языком заставил остыть, кто-то умом, лицом не вышел – все стали чужими'.

Глава III «**Парные слова чувашского и марийского языков в аспекте прикладной лингвистики**» посвящена изучению проблем парной лексики в орфографическом, лексикографическом и речеведческом контексте.

В параграфе 3.1 «**Орфография парных слов**» освещаются вопросы правописания парнообразованной лексики. Согласно действующей чувашской орфографии, парные слова пишутся полуслитно. Такой подход объективен: два разных слова, которые во взаимосвязи составляют третье, естественно должны орфографироваться через дефис. В этом отражается лингвистическое свойство самих парных слов – их синтаксическая сущность.

С 1930 гг. в орфографировании парных слов в чувашском языке наметилась тенденция к их слитному написанию, например, *тумтир, хѣрарӓм, шӓм-шак, сѣршыв, кунсул, хӓшпѣр*. Парные слова представляют сочетания двух равных компонентов, каждый из них в словоизменении может иметь аффиксы, и в случае прибавления аффиксов парные словообразования уже должны писаться через дефис: *кунсул*, но *кунѣ-сулѣ*; *сѣршыв*, но *сѣрѣ-шывѣ*; *хӓшпѣр*, но *хӓшине-пѣрне, хѣрарӓм*, но *хѣршѣн-арӓмшӓн*.

В марийской орфографии так же, как и в чувашской, утвердилось правописание парных слов через дефис. «В сложных словах сочинительного типа части их являются относительно самостоятельными, но ввиду связанности этих сочетаний, они пишутся через дефис»⁵, например: *вате-ӓдыр* 'женщина' < *вате* 'жена' + *ӓдыр* 'девушка'; *иза-ака* 'братья-сестры' < *изи* 'старший брат' + *ака* 'старшая сестра'; *мыгыль-мугыль* 'беспорядочно'. Данный подход к орфографированию парных слов в марийском языке сохраняется по настоящее время⁶. Лишь парные слова иноязычного происхождения и, видимо, заимствованные относительно недавно, орфографируются слитно, например: мар. *йӓрвар* 'продукты питания' < чув. *юр-вар*, чувВ. *йор-вар* 'продукты' (кроме хлеба).

В отличие от чувашского, в марийском правописании не было разногласий относительно орфографирования парных слов. Они трактовались марийскими лингвистами упрощенно, как композиты, состоящие из двух равнозначных слов и требующих написания через дефис.

⁵ Орфография марийского литературного языка (общая для лугово-восточного и горного наречий) / Марий. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. – Йошкар-Ола : Марий. кн. изд-во, 1953. – С. 11.

⁶ Марий орфографий мутер / Йылмым, литературым да историйым научнын шымлыше В. М. Васильев лумеш марий институт. – Йошкар-Ола : Тип. Правительства Респ. Марий Эл, 2011. – С. 12.

В параграфе 3.2 «**Опыт лексикографирования парных слов в чувашском и марийском языках**» анализируется словарная практика, сложившаяся в отношении к парной лексике.

Чувашская лексикографическая практика в отношении парных слов более ориентирована на их общесемантическое описание: нередко в словарных статьях парных слов указание на собирательное значение предшествует семантической части. Такой подход нехарактерен марийской лексикографии, в которой указание на собирательный смысл парных слов встречается как исключение, хотя он присущ многим из них. Кроме того, в марийской лексикографии не всегда представлен перевод или толкование парных слов, составители словарей чаще, чем в чувашской традиции, обращаются к буквальному переводу (см. таблицу 2):

Таблица 2 – Словарные статьи парных слов в чувашском и марийском словарях

В чувашском словаре	В марийском словаре
<p>ёсме-сиге <i>собир.</i> продукты, провизия (<i>букв.</i> еда и питье, кушанья и напитки); ~ кайса ил сходить за продуктами (Чувашско-русский словарь. М., 1985. С. 105).</p>	<p>йўмáш-кочмáш <i>суц.</i> от <i>йўш-кочкаш</i> питье и еда, угощение, выпивка. <i>Йўмáш-кочмáшым йўратыше</i> любитель угощения. □ <i>Тыште йўмáш-кочмáш, куштымаш-мурьмáш эр марте шуйнен.</i> А. Бик. Здесь угощение и веселье продолжались до утра (Словарь марийского языка : в 10 т. Йошкар-Ола, 1990–2005. Т. 2. С. 162).</p>
<p>уксах-чáлах <i>собир.</i> калеки увечные; ~ран ан кул погов. не смейся над калеками (Там же, с. 509).</p>	<p>окшáк-чолáк 1. <i>суц.</i> калека, инвалид; хромой на ногу и к тому же безрукий. <i>Яльштыжат окшак-чолаквлак веле кодыныт.</i> В деревне остались лишь инвалиды. <i>Пёртылытшат мбнгё окшак-чолак-влак гына.</i> А. Юзыкayн. Домой возвращаются только лишь инвалиды. 2. <i>прил.</i> искалеченный, раненый; хромой и безрукий. <i>Окшак-чолак айдеме хромой и безрукий человек.</i> □ <i>Пошкудо вате окшак-чолак салтакым мбнг гыжё вўден нан гаен.</i> В. Косорогов. Соседская женщина увела искалеченного солдата домой (Там же, т. 4, с. 297).</p>
<p>çáкáр-тáвар <i>собир.</i> 1. пища, еда, съестные припасы; ~ пуçтар убрать со стола (<i>после еды</i>); ~ хёл каçма çитет-и? хватит ли припасов на зиму? 2. хлеб-соль, угощение; ~шáн тавтапуç спасибо за угощение... (Там же, с. 401).</p>	<p>кíнде-шинчáл, Г. кíнды-сáнзал хлеб-соль; угощение. <i>Кíнде-шинчал дене вашилыш</i> встречать с хлебом-солью. □ <i>Кíнде-шинчал деч кузу от лий.</i> Калькумут. Выше хлеба-соли не станешь. – <i>Кочса! Молан кочде шинчеда? Кíнде-шинчалым ужде ида кай!</i> О. Тыньш. – Угощайтесь! Почему не едите? Не отдавав хлеб-соль (угощение), не уходите! (Там же, т. 2, с. 336).</p>

Парные слова заслуживают лексикографирования в специальных словарях.

В словарной статье желательна опора на традиционную подачу материала, включающую следующие элементы: 1) лексему (в основной форме); 2) грамматическую характеристику; 3) перевод на другие языки; 4) указание на деривационную структуру. При необходимости могут быть внесены дополнительные разделы, например, толкование и этимология слов.

Размещение материала в словарной статье возможно в виде столбца:

ЛУГ *сущ.*

ч. *ула́х-çаран* < *ула́х* луг + *çаран* луг

т. *кыр(лар)-болын(нар)* < *кыр* поле + *болын* луг

б. *болон-тугайзар* < *болон* луг + *тугайзар* заливной луг

м. *олык(-влак)* луг(а)

у. *лудьёс-возьёс* < *лудьёс* поля + *возьёс* луга

мм. *лайме, лаима, луга* луг

мэ. *нуганар, нар* луг

В параграфе 3.3 «**Речеведческий подход к изучению парных слов**» представлены результаты наблюдений за функционированием парных слов в живой речи.

Высокую активность в чувашской речи представляют идиолектически обусловленные глагольные парные слова. Они ведут себя иначе, нежели парные слова других частей речи: их оба компонента нуждаются в дублировании грамматических показателей, ср.: *кёрлеттерсе-никлеттерсе* ‘подавая сигнал во время езды’ (< *кёрлеттер* ‘гремять’ + *никлеттер* ‘сигнализировать’); *кулса-выляса* ‘радуясь’ (< *кул* ‘смеяться’ + *выля* ‘играть’). В таком виде глагольные парные слова функционируют гармонично, но их сложно возвести к словарным формам и, соответственно, они не фиксируются в лексикографических источниках.

Общеречевые парные слова лингвистически сложно обусловлены. В чувашском языке существует ряд основ, призванных производить парные слова, которые могут оставаться лишь в роли речевых единиц: *-качка* (*йытй-качка* ‘собаки’), *-мён* (*лаша-мён* ‘лошадь и другие подобные животные’), *-тавраш* (*вырайн таврашй* ‘постельные принадлежности’), *-тайвас* (*каяс-тайвас пулсан систерёр* ‘дайте знать, если поедете (пойдете)’).

Следующую проблемную зону общеречевого порядка составляют парные слова с именами числительными. Они практически по всем параметрам отвечают языковым ожиданиям, предъявляемым к парным словам, однако в сознании носителей не сохраняются в качестве готовых к употреблению лексических единиц. Их, скорее всего, следует признать грамматической категорией приблизительности числительных, ср.: чув. *сиччй-саккйр* ‘семь-восемь’, *вуннай-сирём* ‘десять-двадцать’, *ик сёр-виç сёр* ‘двести-триста’; мар. *кок-кум* ‘два-три’, *витле-кудлю* ‘пятьдесят-шестьдесят’, *шуддо-кокиуддо* ‘сто-двести’.

Их ряд практически бесконечен. Сочетаются имена числительные в нарастающей последовательности.

У лингвистов к такого рода функционированию числительных давно сложилось справедливое отношение не признавать их парными словами в подлинном терминологическом смысле: не случайно парнообразованные числительные, несмотря на их высокую частотность в речи, в словари не включаются.

Подобными нетипично языковыми свойствами выделяются и парные слова-глаголы, производящиеся путем сочетания причастий прошедшего времени в утвердительной и отрицательной формах. Им характерно быстрое действие (*выртнă-выртман* 'сразу же, как лег', *килнĕ-килмен* 'сразу же, как пришел') и незавершенность (*курнă-курман* 'едва увидев', *çинĕ-çимен* 'едва поев').

Значением спонтанности обладают глагольные парные слова в прошедшем времени, например, *маннă-кайнă* 'забыл' (= *манса кайнă*), *килчĕ-çитрĕ* 'пришел' (= *килсе çитрĕ*).

Усиление семантики множественности парных слов допускается рядом обстоятельств. С одной стороны, система наделила категорию множественного числа тотально присоединяться к именам существительным, с другой – здесь имеет место интерферентное влияние на чувашский язык русского языка с его развитой категорией плюраля (рус. *дет* + *-и* = чув. *ача-пăча* + *-сем*). Вместе с тем множественность в чувашском языке в зависимости от контекста обладает дополнительным свойством вежливости, объемности, продолжительности.

В марийском языке проявляется аналогичная ситуация с множественным числом парных слов, но в меньшей степени, например: *коча-кова-влак* 'предки старше родителей' < *коча* 'дедушка' + *кова* 'бабушка' + *-влак* афф. мн. ч. (для ср.: в корпусе марийского языка на 20666343 словоупотребления слово *коча-кова* зарегистрировано 445 раз, *коча-кова-влак* – 31, *коча-кова-шамыч* – шесть); *родо-шочшо-влак* 'родственники' < *родо* 'родня' + *шочшо* 'ребенок, дети' + *-влак* (для ср.: в корпусе зафиксировано *родо-шочшо* 42 раза, *родо-шочшо-влак* – 19, данное слово множественность с помощью форманта *-шамыч* не образует).

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Парные слова в чувашском и марийском языках являются примечательным пластом лексики с суммирующим, терминологическим либо стилистически оценочным и неконкретным обобщающим значением. В целом производство парных слов в разных языках предполагает обращение к единицам с идентичными свойствами: сочетаются между собой либо синонимы и ассоциативные слова, либо антонимы, особую группу парных слов составляют единицы с редупликацией. Компоненты языковых парных слов в составе композита имеют свое неизменяемое место (в чувашском языке) или же перестановка компонентов допускается, однако количество подобных единиц незначительно (в марийском языке).

Парные слова в чувашском языке представляют результат реализации синтаксического способа словообразования, являющегося в нем исторически наиболее востребованным видом деривации. Именно синтаксическими свойствами парного словообразования объясняется значительное число парных слов в чувашском языке, в то время как в марийском, с его развитым аффиксальным способом деривации, количество парных слов сильно ограничено. При этом в марийской лексике преобладают подражательные парные слова.

Парные слова составляют творческую сферу словоорганизации, обладающую значительными возможностями поэтического описания действительности. В них фонетически заложены аллитеративность и ассонантность, рифмованный характер морфем и всего слова, трансформация в синтаксические единицы и его распад до исходных производящих основ. В этом плане парные слова, утвердившиеся в языке как цельнооформленные единицы, представляют языковое творчество как поэтический акт, а парные слова речевого порядка – как спонтанные образования и вместе с тем творческие единицы, удачные и неудачные, достойные войти в лексическую систему или вынужденные быть забытыми.

Общие свойства парных слов в чувашском и марийском языках сводятся к схожей семантической обусловленности компонентов, востребованности одних и тех же частей речи, целостным синтаксическим характером словообразования, индивидуальные свойства выражаются в разноместной реализации идентичных компонентов, высокой частотности слов конкретной части речи, вступающих в деривационные отношения, различия в семантических объемах, востребованности самих слов в речи. Единицы собственно марийского происхождения обуславливают неповторимые черты парных слов, подчеркивающие его нетюркскую сущность. Марийские парные слова в подавляющем большинстве случаев подражательные, их значение более узкое, конкретное, в то время как в тюркских языках парные слова нередко носят обобщающий терминологический характер; компоненты парных слов марийского языка чаще имеют иной порядок расположения, чем в тюрко-чувашских аналогах; нередко парные слова в марийском языке не обнаруживают тюркских соответствий.

Парные слова в марийском языке являются итогом значительного тюркского влияния. Основу марийского пласта парных слов составляют болгарские и чувашские заимствования, в том числе семантические кальки. Таким образом, общие парные слова (например, единицы с агномимичными компонентами, подражательные слова чувашского типа) следует признать наиболее древними заимствованиями чувашских парных образований. Расхождения, которые в настоящее время наблюдаются между чувашскими и марийскими парными словами, – итог самостоятельного развития синтаксического способа деривации в марийском языке, в свою очередь сложившегося под чувашским влиянием.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях автора:**

*Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
определенных ВАК при Минобрнауки России:*

1. Кириллова, В. Ю. Парные слова в языках Волго-Камья: к проблеме составления словаря / В. Ю. Кириллова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 4. – С. 260–264 (0,48 п.л.).
2. Кириллова, В. Ю. Особенности классификации и функционирования редупликаций в разносистемных языках / В. Ю. Кириллова, А. М. Иванова, Г. Н. Семенова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3 (103). – С. 71–77. – DOI 10.26293/chgru.2019.103.3.010 (0,7 п.л. / 0,2 п. л.).
3. Кириллова, В. Ю. Характеристика общего фонда парных слов чувашского и марийского языков / В. Ю. Кириллова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. – 2021. – № 2 (111). – С. 103–108. – DOI 10.37972/chgru.2021.111.2.012 (0,65 п. л.).
4. Кириллова, В. Ю. Парные слова с новорусскими компонентами в чувашском и марийском языках / В. Ю. Кириллова // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – № 3 (27). – С. 35–37. – DOI: 10.18454/RULB.2021.27.3.9 (0,42 п. л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

5. Кириллова, В. Ю. Редупликация в немецком языке / М. А. Исаева, В. Ю. Кириллова // Вопросы общего языкознания и теории текста : сб. науч. ст. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2018. – С. 41–45 (0,12 п. л. / 0,06 п. л.).
6. Кириллова, В. Ю. Парные слова с агнонимичными компонентами в словаре Н. И. Ашмарина / В. Ю. Кириллова // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства : проблемы и перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 21–24 ноября 2019 г.). – Казань : Отечество, 2019. – С. 131–134 (0,22 п. л.).
7. Кириллова, В. Ю. Парные слова в романе Э. М. Ремарка «Черный обелиск» / В. Ю. Кириллова, М. А. Исаева, А. В. Малова // Научные исследования, открытия и развитие технологий в современной науке : сб. материалов XX Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25 июня 2019 г.). – Москва : Изд-во НИЦ «Империя», 2019. – Т. 2. – С. 18–20 (0,16 п. л. / 0,06 п. л.).
8. Кириллова, В. Ю. Чувашские парные слова в марийском языке / В. Ю. Кириллова // Ашмаринские чтения : сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 ноября 2020 г.). – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 89–90 (0,12 п. л.).

9. Кириллова, В. Ю. Чувашское чӑштӑр-чаштӑр vs марийское чыштыр-чоштыр / В. Ю. Кириллова // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 12–15. – DOI 10.31483/г-97946 (0,56 п. л.).

10. Кириллова, В. Ю. Редупликация в современном чувашском языке (типолого-контрастивный аспект) / В. Ю. Кириллова, А. М. Иванова, Г. Н. Семёнова // Тюркология в просторах Евразии : преемственность поколений : сб. материалов Междунар. науч.-практ. онлайн конф., посвящ. 75-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Алмаса Галимзяновича Шайхулова (г. Уфа, 29 окт. 2020 г.). – Уфа : Башкир. ун-тет, 2021. – С. 245–250 (0,41 п. л. / 0,1 п. л.).

11. Кириллова, В. Ю. К проблеме орфографирования парных слов в чувашском и марийском языках / В. Ю. Кириллова // Язык и слово : сб. науч. тр. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. – С. 55–56 (0,13 п. л.).

Кириллова Валентина Юрьевна

ПАРНЫЕ СЛОВА В МАРИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 07.06.2022 г. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 1,5. Заказ № 687. Тираж 100 экз.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский пр., 15.